
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Иммануил Кант (1724—1804) — один из самых влиятельных мыслителей в истории философии Запада. Его вклад в метафизику, эпистемологию, этику и эстетику оказался ценным практически для всех последующих философских учений и движений. О Канте говорят, что он открыл новую эру в развитии философской мысли, совершив «коперниканскую революцию» в философии. Его нередко провозглашают теоретиком Просвещения, однако воззрения Канта часто противоположны взглядам большинства его современников, развивавших идеи рационализма. В отличие от них, философ пытался воссоздать традиционную мысль, но на новых, разумных основаниях.

Все наиболее значительные свои труды Кант опубликовал после 57 лет, поэтому философы его пример называют утешительным для себя. «Критика чистого разума» стала результатом десяти лет размышлений, и после выхода книги Кант продолжал вносить в нее существенные изменения. Он не сомневался в истинности высказанного в ней учения, но доводил до совершенства свои доказательства, пытаясь опереться на стиль современных ему философских сочинений, и критиковал переводчиков и интерпретаторов за непонимание. Книга приобрела репутацию «ошеломительно трудной» и «непроницаемо туманной». В данном издании мы постарались передать как можно яснее основные положения Кантовской философии и одновременно продемонстрировать убедительные образцы его доказательных рассуждений.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На долю человеческого разума в одном из видов его познания выпала странная судьба: его осаждают вопросы, от которых он не может уклониться, так как они навязаны ему его собственной природой; но в то же время он не может ответить на них, так как они превосходят возможности человеческого разума.

В такое затруднение разум попадает не по своей вине. Он начинает с основоположений, применение которых в опыте неизбежно и в то же время в достаточной мере подтверждается опытом. Опираясь на них, он поднимается (как этого требует и его природа) все выше, к условиям более отдаленным. Но так как он замечает, что на этом пути его дело должно всегда оставаться незавершенным, потому что вопросы никогда не прекращаются, то он вынужден прибегнуть к основоположениям, которые выходят за пределы всякого возможного опыта и тем не менее кажутся столь несомненными, что даже обыкновенный человеческий разум соглашается с ними. Однако вследствие этого разум погружается во мрак и впадает в противоречия, которые, правда, могут привести его к заключению, что где-то в основе лежат скрытые ошибки, но обнаружить их он не в состоянии, так как основоположения, которыми он пользуется, выходят за пределы всякого опыта и в силу этого не признают уже критерия опыта. Арена этих бесконечных споров называется *метафизикой*.

Наш век требует от разума, чтобы он взялся за самое трудное из своих занятий — за самопознание и учредил бы суд, который бы подтвердил справедливые тре-

бования разума, а с другой стороны, был бы в состоянии устранить все неосновательные притязания — не путем приказаний, а опираясь на вечные и неизменные законы самого разума. Такой суд есть не что иное, как *критика самого чистого разума*.

Я понимаю под этим не критику книг и систем, а критику способности разума вообще в отношении всех знаний, к которым он может стремиться *независимо от всякого опыта*, стало быть, решение вопроса о возможности или невозможности метафизики вообще и определение источников, а также объема и границ метафизики на основании принципов.

Этим единственным оставшимся путем пошел я теперь и льщу себя надеждой, что на нем я нашел средство устранить все заблуждения, которые до сих пор ссорили разум с самим собой при его независимом от опыта применении.

В этом исследовании я особенно постарался быть обстоятельным и смею утверждать, что нет ни одной метафизической задачи, которая бы не была здесь разрешена или для решения которой не был бы здесь дан по крайней мере ключ.

Метафизика, выраженная в понятиях, которые мы здесь дадим,— единственная из всех наук, имеющая право рассчитывать за короткое время при незначительных, но объединенных усилиях достигнуть такого успеха, что потомству останется только все согласовать со своими целями на *дидактический* манер без малейшего расширения содержания. Ведь это есть не что иное, как систематизированный *инвентарь* всего, чем мы располагаем благодаря *чистому разуму*. Здесь ничто не может

ускользнуть от нас, так как то, что разум всецело создает из самого себя, не может быть скрыто, а обнаруживается самим разумом, как только найден общий принцип того, что им создано. Полное единство такого рода знаний, а именно, знаний исключительно из чистых понятий, делает эту безусловную полноту не только возможной, но и необходимой, при этом опыт или хотя бы *частное* созерцание, которое должно было бы вести к определенному опыту, не в состоянии повлиять на их расширение и умножение.

ВВЕДЕНИЕ

О различии между чистым и эмпирическим познанием

Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта.

Отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта.

Поэтому возникает по крайней мере вопрос, который требует более тщательного исследования и не может быть решен сразу: существует ли такое независимое от опыта и даже от всех чувственных впечатлений познание?

Мы будем называть априорными знания, безусловно независимые от всякого опыта. Им противоположны

эмпирические знания, или знания, возможные только *a posteriori*, т. е. посредством опыта. В свою очередь, из априорных знаний *чистыми* называются те знания, к которым совершенно не примешивается ничто эмпирическое.

Мы обладаем некоторыми априорными знаниями, и даже обыденный рассудок никогда не обходится без них

Необходимость и строгая всеобщность — верные признаки априорного знания и неразрывно связаны друг с другом.

Откуда опыт мог бы заимствовать свою достоверность, если бы все правила, которым он следует, в свою очередь, также были эмпирическими, стало быть, случайными?

Не только в суждениях, но даже и в понятиях обнаруживается априорное происхождение некоторых из них.

Для философии необходима наука, определяющая возможность, принципы и объем всех априорных знаний

Некоторые знания покидают сферу всякого возможного опыта и с помощью понятий, для которых в опыте нигде не может быть дан соответствующий предмет, расширяют объем наших суждений за рамки всякого опыта.

Неизбежные проблемы самого чистого разума — *Бог, свобода и бессмертие*. А наука, конечная цель которой — с помощью всех своих средств добиться лишь решения этих проблем, называется *метафизикой*.

Математика дает нам блестящий пример того, как далеко мы можем продвинуться в априорном знании независимо от опыта.

Значительная, а может быть, наибольшая, часть деятельности нашего разума состоит в *расчленении* понятий, которые у нас уже имеются о предметах. Так как этим путем действительно получается априорное знание, развивающееся надежно и плодотворно, то разум незаметно для себя подсовывает под видом такого знания утверждения совершенно иного рода, в которых он а priori присоединяет к данным понятиям совершенно чуждые им, при этом не знают, как он дошел до них, и даже не ставят такого вопроса. Поэтому я займусь теперь прежде всего исследованием различия между этими двумя видами знания.

О различии между аналитическими и синтетическими суждениями

Во всех суждениях, в которых мыслится отношение субъекта к предикату, это отношение может быть двояким. Или предикат *B* принадлежит субъекту *A* как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии *A*, или же *B* целиком находится вне понятия *A*, хотя и связано с ним. В первом случае я называю суждение *аналитическим*, а во втором — *синтетическим*.

Аналитические — это те (утвердительные) суждения, в которых связь предиката с субъектом мыслится через тождество, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими.

Аналитические можно было бы назвать *поясняющими*, а синтетические — *расширяющими* суждениями. Аналитические через свой предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а только делят его путем расчленения на подчиненные ему понятия, которые уже мыслились в нем, между тем как синтетические суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нем и не мог бы быть извлечен из него никаким расчленением.

Если я говорю *все тела протяженны*, то это суждение аналитическое.

Если же я говорю *все тела имеют тяжесть*, то этот предикат есть нечто иное, чем то, что я мыслю в простом понятии тела вообще. Следовательно, присоединение такого предиката дает синтетическое суждение.

Все эмпирические суждения, как таковые, синтетические.

Конечная цель всего нашего спекулятивного априорного знания зиждется именно на таких синтетических, т. е. расширяющих [знание], основоположениях, тогда как аналитические суждения, хотя в высшей степени важны и необходимы, но лишь для того, чтобы приобрести отчетливость понятий, требующуюся для достоверного и широкого синтеза, а не для того, чтобы приобрести нечто действительно новое.

Все теоретические науки, основанные на разуме, содержат априорные синтетические суждения как принципы

1. *Все математические суждения — синтетические.*
2. *Естествознание включает в себе априорные синтетические суждения как принципы.*

Я приведу в виде примеров лишь несколько суждений: *при всех изменениях телесного мира количество материи остается неизменным или при всякой передаче движения действие и противодействие всегда должны быть равны друг другу.* В обоих этих суждениях очевидны не только необходимость, стало быть, априорное происхождение их, но и их синтетический характер.

3. *Метафизика должна включать в себе априорные синтетические знания.* Она состоит исключительно из априорных синтетических положений *по своей цели.*

Общая задача чистого разума

Истинная задача чистого разума заключается в следующем вопросе: *как возможны априорные синтетические суждения?*

Так как науки действительно существуют, то естественно ставить вопрос, *как они возможны:* ведь их существование доказывает, что они должны быть возможны.

Метафизика существует если не как наука, то во всяком случае как природная склонность. Относительно нее следует поставить вопрос: *как возможна метафизика в качестве*

природной склонности, т. е. как из природы общечеловеческого разума возникают вопросы, которые чистый разум задает себе и на которые, побуждаемый собственной потребностью, он пытается, насколько может, дать ответ? Но так как во всех прежних попытках ответить на эти естественные вопросы, например на вопрос, имеет ли мир начало, или он существует вечно и т. п., всегда имелись неизбежные противоречия, то нельзя только ссылаться на природную склонность к метафизике, а следует найти возможность удостовериться в том, знаем ли мы ее предметы, т. е. решить вопрос о предметах, составляющих проблематику метафизики, или о том, способен или не способен разум судить об этих предметах. Этот последний вопрос, вытекающий из поставленной выше общей задачи, можно с полным основанием выразить следующим образом:

•
*как возможна метафизика
как наука?*
•

Когда разум в полной мере исследует свою способность в отношении предметов, которые могут встречаться ему в опыте, тогда легко определить со всей полнотой и достоверностью объем и границы применения его за пределами всякого опыта.

Идея и деление особой науки, называемой критикой чистого разума

Из всего сказанного вытекает идея особой науки, которую можно назвать *критикой чистого разума*.

Разум есть способность, дающая нам *принципы* априорного знания. Поэтому чистым мы называем разум, содержащий принципы безусловно априорного знания.

Органом чистого разума должна быть совокупность тех принципов, на основе которых можно приобрести и действительно осуществить все чистые априорные знания. Полное применение такого органа дало бы систему чистого разума. Науку, лишь рассматривающую чистый разум, его источники и границы, можно назвать *пропедевтикой* к системе чистого разума. Такая пропедевтика должна называться не *учением*, а только *критикой* чистого разума. Она может служить не для расширения, а только для очищения нашего разума и освобождения его от заблуждений.

Я называю *трансцендентальным* всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным а priori. Система таких понятий называлась бы *трансцендентальной философией*.

К критике чистого разума относится все, из чего состоит трансцендентальная философия: она есть полная идея трансцендентальной философии, но еще не сама эта наука, потому что в анализ она углубляется лишь настолько, насколько это необходимо для полной оценки априорного синтетического знания.

Трансцендентальная философия есть наука одного лишь чистого спекулятивного разума, так как все практическое, поскольку оно содержит мотивы, связано с чувствами, которые принадлежат к эмпирическим источникам познания.

Если устанавливать подразделения этой науки с общей точки зрения системы вообще, то излагаемая нами здесь наука должна содержать, во-первых, *учение о началах* и, во-вторых, *учение о методе* чистого разума.

Существуют два основных ствола человеческого познания, вырастающие, быть может, из одного общего, неизвестного нам корня, а именно, *чувственность* и *рассудок*: посредством чувственности предметы нам *даются*, рассудком же они *мыслятся*. Если бы чувственность а priori содержала представления, составляющие условия, при которых нам даются предметы, то она бы входила в трансцендентальную философию. Это трансцендентальное учение о чувственности должно было бы составлять *первую* часть науки о началах, так как условия, лишь при которых предметы даются человеческому познанию, предшествуют условиям, при которых они мыслятся.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЕ УЧЕНИЕ О НАЧАЛАХ

Трансцендентальная эстетика

Созерцание есть способ, каким познание непосредственно относится к предметам и к которому как к средству стремится всякое мышление. Созерцание имеет место, только если нам дается предмет; а это, в свою очередь возможно лишь благодаря тому, что предмет некоторым образом воздействует на нашу душу. Эта способность получать представления тем способом, каким предметы воздействуют на нас, называется *чувственностью*. Следовательно, посредством чувственности предметы нам *даются*, и только она доставляет нам созерцания; *мыслятся* же предметы рассудком, и из рассудка возникают *понятия*. Всякое мышление, однако, должно в конце концов прямо или косвенно, через те или иные признаки иметь отношение к созерцаниям, стало быть, — к чувственности, потому что ни один предмет не может быть нам дан иным способом.

Действие предмета на способность представления, поскольку мы подвергаемся его воздействию, есть *ощущение*. Те созерцания, которые относятся к предмету

посредством ощущения, называются эмпирическими. Неопределенный предмет эмпирического созерцания называется явлением.

То в явлении, что соответствует ощущениям, я называю его *материей*, а то, благодаря чему многообразное в явлении может быть упорядочено определенным образом, я называю *формой* явления.

Форма ощущения целиком должна находиться в нашей душе готовой a priori и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения.

Я называю чистыми (в трансцендентальном смысле) все представления, в которых нет ничего, что принадлежит к ощущению.

Чистая форма чувственных созерцаний, в которой созерцается содержание явлений, будет находиться в душе a priori.

Эта чистая форма чувственности также будет называться *чистым созерцанием*, которое находится в душе a priori также без действительного предмета чувств или ощущения.

Науку о всех априорных принципах чувственности я называю *трансцендентальной эстетикой*.

•
*Существуют две чистые формы
чувственного созерцания как
принципы априорного знания,
а именно, пространство и время.*
•